

Анна Политковская. Путинская Россия

Таня

2002 год. Ранняя зима. Только что прошел «Норд-Ост», и общество, особенно в Москве, в шоке. Во время этих событий меня показывали по телевизору, так как я немного принимала в них участие, – в результате реанимировались старые знакомые, стали звонить, рассказывать о себе...

И этот поздний звонок был среди них – Таня, собственно, всегда звонила или ночью, или так поздно вечером, что дом уже спал.

– Сколько лет?

– Как ты меня нашла?

– Встретимся?...

– Конечно...

Мы не виделись с Таней, моей старой подругой и когда-то соседкой, лет, этак, десять. Тогда Таня была всегда замученной – а теперь Таня – королева. Выглядит торжествующе и шикарно. И не потому, что одета роскошно, хотя и это присутствует. Самое главное, она выглядит уверенной в себе и очень спокойной, чего за ней не замечалось ни десять, ни пятнадцать лет, ни двадцать лет назад.

В советское время Танина жизнь была просто мучительна, и почти каждый вечер она прибегала ко мне (я жила на первом этаже старинного дома, она – на последнем) и плакала о своей загубленной судьбе. И нам обоим казалось – замученной навечно.

В те годы Таня работала инженером в научно-исследовательском институте и принадлежала, таким образом, к советской научно-технической интеллигенции – была у нас такая значительная общественная прослойка (теперь ее в прежнем виде нет – она исчезла вместе с СССР).

Как такая прослойка образовывалась? Тогда полагалось: девушка «из хорошей семьи» (а Таня была «из хорошей семьи» – единственная дочка уважаемых родителей) должна была непременно получить высшее образование. Если у девушки не определялось никаких особых склонностей и порывов к моменту окончания средней школы, то она поступала в какой-нибудь технический институт, которых было полно, и становилась инженером. Учитывая, что после института полагалось в обязательном порядке отработать по приобретенной бесплатно, за счет государства, специальности три года, то в стране существовала целая армия совершенно не удовлетворенных жизнью, как Таня, молодых специалистов (они же не мечтали быть именно инженерами), отсиживающих рабочее время в многочисленных научно-исследовательских институтах и не производящих ровным счетом ничего.

Таня была полноправным солдатом этой армии, имея профессию инженера по коммунальным службам на атомных электростанциях. Она целыми днями и без всякого энтузиазма чертила в своем НИИ проекты канализаций и водопроводных сетей, которые никто нигде не строил. Получала при этом крошечную зарплату, злилась от хронического безденежья, пыталась прилично прокормить и одеть-обуть свою семью, металась между двумя вечно болеющими маленькими детьми и мужем, странноватым типом по имени Андрей, молодым в те годы доцентом престижного технического университета в Москве, но опять же с крошечной советской зарплатой за плечами.

На почве такой жизни Таня была типичной неврастеничкой. Она постоянно мучила и себя, и Андрея, и детей своим плохим настроением, истериками, депрессиями, перманентной неудовлетворенностью судьбой и жизнью...

Еще Таня была девушкой из южного города Ростова-на-Дону и появилась в Москве, не приветливой к иногородним «лимитчицам» (так их тогда называли), в середине 70-х, выйдя замуж за Андрея, которого встретила на черноморском пляже. Таких женщин-«инженеров» из провинции замужем за москвичами в ту пору в столице было очень много. Нищая провинция не имела никакой ценности, и «девушки из хороших семей» стремились в Москву.

Тут, впрочем, Таня была несчастна – она не знала, что же хочет. Но отлично знала, чего не хочет: она не хотела работать инженером и не хотела быть нищей вместе с нищим Андреем. Мы это много обсуждали: Таня злились именно от того, что выхода у нее не было – предстояло жить с Андреем и оставаться инженером с крошечной зарплатой.

...Когда наступили новые времена, именно женщины стали их движущей силой, ушли в бизнес, поразводились с мужьями, мужья ушли в бандиты, и многие погибли в перестрелках первых лет ельцинского времени... Так произошло именно потому, что многие из наших женщин накануне перестройки думали, как Таня, – что никогда не смогут изменить свою жизнь, – и вдруг такой шанс...

Однако вернемся в середину 80-х. В их доме часто бывали скандалы. По советской традиции, Таня, не имеющая своего жилья в Москве, должна была жить у Андрея, в его квартире. Но у него тоже не было своего угла, и все это получалось так – они жили в одной большой квартире с родителями Андрея и двумя его старшими братьями, каждый из которых также имел семью и по двое детей.

В общем, типичный советский коммунальный улей – бесперспективный к отделению и самостоятельности. Андрей при этом был не простой человек, а происходил из старинной московской дворянской семьи, членами которой были замечательные люди. Например, знаменитый профессор – скрипичный педагог Московской государственной консерватории. Он был вторым мужем Андреевой бабушки, тоже профессора Московской консерватории по скрипке. Бабушка давно умерла, а муж ее остался в «улье» – ему тоже некуда было идти, как и Тане.

Родители Андрея были профессорами физики и математики. Старший брат – профессором химии, делавший открытие за открытием в Московском университете, что также мало меняло его жизнь в материальном плане.

Все это Таню злило... Она считала семейство Андрея неудачниками и неумехами, несмотря на десятки научных званий, которыми они обладали, и семья Андрея отвечала ей взаимностью, не любя и вечно придираясь к Тане.

Таня, напомним, была девушкой из Ростова-на-Дону, с российского Юга, где даже в советские времена все, кто мог, торговали всем, чем могли. Там процветали подпольные цеха по производству нелегальной продукции, а многие богатые мужчины коротали время между свободой и тюрьмой, и это не считалось позорным. Хоть их и называли в газетах «спекулянтами» и «цеховиками», но ростовские барышни с удовольствием выходили за них замуж.

Когда мы познакомились, в самом начале 80-х, Таня уже полагала, что оплошала тем, что вышла за Андрея, и даже не важно, что по любви. Она признавалась, что просто «клюнула на Москву» – то есть выйти замуж за москвича было престижно в провинции, по-другому же в столицу было не перебраться. Но, клюнув, Таня жила бедно и очень страдала. Расцветала же она, только когда приносила неизвестно где взятые красивые вещи, предлагая купить их. Она, безусловно, обладала особым даром торгового убеждения – могла втридорога продать тебе кофту отвратительного качества, уверяя, что «это носят в Европе», а когда выяснялся обман, умела ничуть не стесняться и нимало не краснеть. Традиционная, интеллигентная семья Андрея считала Таню за

эту тягу к спекулятивному торгашеству совершенно чужеродным элементом и не была к ней добра – презирала...

И вот 2002-й. Позвонив, Таня пригласила меня к себе – и это оказалось все той же большой квартирой в самом центре Москвы, почти под стенами Кремля.

В квартире – пустынно и все по-другому, чем раньше. Произведен великолепный ремонт, все перестроено, дом набит современной бытовой техникой, искусными репродукциями знаменитых картин, мебелью в старинном стиле – хорошими подделками под старину. Тане – почти пятьдесят лет, кожа ее молода и здорова, одежда ярка, сама она говорит громко, уверенно, откровенно и много смеется, от чего морщин на лице не появляется, – значит, понимаю, сделала пластическую операцию. Значит, продолжаю понимать про себя: выплыла, богата, бедные у нас пластических операций не делают, слишком дорого, и поэтому у бедной женщины сразу виден возраст.

«Андрей разбогател?» – продолжаю оценивать про себя. Таня ходит по комнатам свободно – раньше, десять лет назад, она предпочитала тут шептать и сидеть в углу одной из комнат, не встречаясь с родственниками.

– А где все «ваши»?

– Сейчас расскажу, только не падай – теперь это все мое.

– Твое? Поздравляю. А они-то где живут?

– Сейчас-сейчас... Все по порядку.

В комнату тихо входит молодой красавец возраста Таниных сыновей, как я предполагаю. В последний раз ее мальчиков я видела еще мальчиками, и поэтому у меня вырывается:

Неужели? Это?... Игорь? Ты?

Игорь – старший сын Тани и Андрея, ему теперь должно быть 24-25...

Таня хохочет от души. Заливисто, задиристо, звонко. Не по-Таниному.

– Меня зовут Давид, – томно произносит темнокудрый и волоокый красавец и, поцеловав ухоженную Танину руку – а я-то помню другие ее руки, изнуренные многочасовыми стирками на большую семью при полном отсутствии стиральной машины, руки, которыми Таня вытирала плачущее лицо на моей кухне, – Давид медленно удаляется куда-то в глубь квартиры. – Ну, не буду вам мешать, девчонки...

На «девчонок» мы меньше всего похожи.

– Ладно, говори, наконец! Раскрывай свои секреты молодости и благополучия, – прошу свою старую подругу. – Где все твой?

– Они больше не мои.

– А Андрей?

– Мы разошлись, кончилась моя каторга.

– Ты вышла замуж? За этого? За Давида?

– Давид – мой любовник, ненадолго, так, для здоровья. Я его содержу. Сколько хочу, столько и содержу.

– Господи... Кем же ты работаешь?

– Я никем не работаю, я работаю на себя, – отвечает Таня жестко и таким металлическим тоном, что это никак не вяжется с образом сидящей напротив, чуть праздной, ухоженной женщины с молодым любовником,

...Таня – счастливый продукт новой жизни. В 1992 году, летом, когда в большинстве домов Москвы нечего было есть, – это называлось «шоковой терапией» или рыночными реформами тогдашнего премьер-министра Егора Гайдара – Таня вместе с детьми и всей остальной профессорской семьей, жила за городом, на старинной, потомственной даче их семейства.

Все москвичи, у кого была дача, в то страшное голодное лето сидели по своим

загородным деревянным халупкам и выращивали на зиму овощи, чтобы было чем прокормиться. Научно-исследовательский институт, где Таня работала, на лето закрылся – все равно зарплату там никому давно не платили, и работы никакой не было, и все сотрудники, городские жители, уехали полоть свои огороды или пошли торговать на рынки, в большом количестве появившиеся тогда на улицах голодающей Москвы. Таня занималась тем, что тоже полола огород и смотрела за детьми. Андрей часто оставался в городе, не приезжал на ночь на дачу, потому что его технический университет не закрылся, как большинство научно-исследовательских, студенты продолжали учиться, сдавать экзамены, педагоги продолжали ходить на работу, держась на энтузиазме и осознании чувства долга, несмотря на то, что у преподавателей тоже не было никакого жалования.

Однажды утром Таня неожиданно зачем-то нагрянула в Москву, отперла дверь квартиры и нашла там Андрея со студенткой прямо на их с Таней семейном ложе. Днем, когда у Андрея работа в университете. Таня была женщина южная и шумная, и в тот день она кричала на весь дом о том, что вот как «он ведет свои занятия», и обо всем другом...

Андрей не отпирался, сказал, что любит эту студентку. Студентка при этом не проронила ни слова, оделась и молча прошла на кухню, где деловито стала привычно готовить чай.

Таню это молчание соперницы и ее хорошая ориентация в квартире добило, и она поняла, что ни за то страдала всю свою семейную жизнь «от этой семейки», чтобы пустить еще и разлучницу в квартиру. Так и сказала Андрею прямо: пусть не надеется. Тот собрался да и ушел со студенткой, не допив приготовленного ею чая.

С этого дня, собственно, и началась новая Танина жизнь, совершенно самостоятельная и не похожая на предыдущую. Андрей поступил дурно и больше не дал Тане на воспитание детей и какое-либо ее собственное существование ни копейки. Никогда. Более того, позже не стеснялся быть альфонсом – три года спустя уже Таня, чуть разбогатев, стала его временами подкармливать и даже одевать. Не от доброты душевной к продолжающейся нищете профессора технического университета, не поступившегося профессиональными принципами и решившего даже не пробовать себя в бизнесе, бросив преподавательскую карьеру, как делали тогда многие его коллеги. Таня подкармливала Андрея ради реванша, приговаривая вслух: «Ты думал меня унижить? А вот теперь я тебя унижаю!».

И подавала ему красную икру – символ советской роскоши, на которую теперь у нее были средства. И Андрей ел икру за обе щеки, не краснел от унижения, потому что голодал отчаянно, временами даже не брезгуя обедами в прицерковных благотворительных столовых для нищих, делая при этом вид, что православный, – научился креститься.

Естественно, Андрей давно к тому времени расстался со своей молчаливой студенткой и жил черт знает как и черт знает где. Обносился, опустил и был похож на бездомного.

...Впрочем, вернемся в лето 92-го, в лето рыночного перелома. Через неделю, детей было совсем нечем кормить, свекровь требовала от Тани простить и вернуть Андрея, но она никого возвращать не стала, а пошла торговкой на близлежащий рынок.

Свекровь рыдала: «Позор! Позор!». Слегла, болела. Но все-таки смирилась – это когда Таня стала ей покупать лекарства на эти «позорные», «рыночные» деньги. До этого ни один из сыновей свекрови, ни муж ее, ни другие невестки не могли ничего подобного сделать для своей больной матери – потому что совершенно не имели денег, и однажды дело дошло даже до абсурда. На семейном совете было решено – и первой

за это проголосовала сама же свекровь, упрямо лежа в постели и приготавливаясь скорее к смерти, чем к «позору», – что семейных реликвий – антикварную мебель, оставшуюся от предков, ноты-раритеты, картины русских мастеров девятнадцатого века – продавать «не будем ни за что!». Это несмотря на то, что в начале 90-х подобные семьи с традициями и сохранившие реликвии сталинских лет спускали свои достояния по дешевке – как тогда говорилось, «за обед».

А Таня стояла на рынке. С 6 утра до 11 вечера. Это была даже не работа, а чистой воды рабство, каторга. И оправданий ему не было никаких. Кроме одного – рабство имело цену. Таня стояла на рынке за реальные, в кармане хрустящие рубли. Причем ежедневно выплачиваемые. День отстояла – получи. Не потом, а сейчас – и это было главным. Таня всегда возвращалась домой с деньгами. Хоть и с опухшими ногами, еле их переставляя, и с такими же отеками огромными руками-«крабами», не способная даже помыться и привести себя хоть в какой-то человеческий вид. Но! Почти счастливая!...

– Не поверишь, конечно, но я была счастлива, что больше ни от кого не зависела. Ни от директора института, который ничего не платит, ни от Андрея, который ничего не дает, ни от свекрови с ее семейными реликвиями и традициями. Я зависела только от себя самой, – так рассказывала мне Таня, уже красивая и богатая, о себе, тогдашней, десятилетней давности. – Свекровь? Да я просто послала ее в один прекрасный момент – иди, мол, туда-то... И что бы ты думала? Впервые она не прочитала мне нотацию. Для меня это стало открытием. На моих глазах происходила революция – неподкупная вроде бы эта старинная московская интеллигенция ломалась. Ломалась на деньгах, которые я стала давать свекрови. Свекровь перестала меня учить, потому что я стала ее кормить. Я – вечно «плохая»... И постепенно все они – вся их семейка, которая меня столько лет презирала за то, что я не из старинного рода, и корни мои крестьянские, и что я, как они всегда говорили, женила на себе Андрея ради переезда в Москву, – вся эта толпа «родственников» научилась мне улыбаться и даже смотреть мне в рот. Только потому, что я стала их всех кормить с этого самого рынка. И я торжествовала. И готова была не приходить с рынка ради одного – только чтобы зарабатывать все больше и больше, и дальше, и больше... И еще болезненнее для них утереть им носы.

...Возвращаясь домой к полуночи, Таня падала на кровать. Она больше не замечала сыновей. Не проверяла их уроки. Падала – и тут же вырубалась. И рано утром все начиналось снова.

Свекровь, однако, взяла на себя элементарные заботы о Таниных детях – впервые, надо сказать, в их жизни под одной крышей. И Таня этому тоже удивилась.

...В середине 90-х у нас был такой расцвет наркомании среди 15-18-летних, что мы по утрам выходили из квартир и шли по ступеням по ковру из шприцев. Это были дети – ринувшихся на рынки матерей, стремящихся заработать, дети, оставшиеся без какого-либо серьезного присмотра, без школ (школы почти не работали), брошенные всеми ради свободных денег... Сегодня, в начале века, много 40-50-летних осиротевших матерей, у которых дети умерли. Считается, что почти 50 процентов мальчиков и девочек 1978–1982 годов рождения умерли в середине 90-х от передозировок...

...Но вернемся. На рынке Таня попала под начало некоего оборотистого молодого парня, который был «челноком», как тогда говорили. Дело Никиты, «челнока», состояло в том, что он возил из Турции – дешевые тряпки, из Узбекистана – дешевые арбузы, из Грузии – дешевые мандарины, все дешевое – отовсюду, и Таня вместе с другими женщинами, числясь «за Никитой», торговала всем этим. Не было никаких налогов, никаких государственных платежей. На рынке царили нравы тюремной зоны, споры решались ножиком, процветали рэкет, мордобой. Женщины-продавщицы,

Танины товарки, в основном такие же, как она, одинокие, с брошенными дома детьми, бывшие представительницы научно-технической интеллигенции из закрывшихся институтов, издательств и редакций, были почти что на положении наложниц-проституток у своих хозяев.

Вскоре и Таня переспала с Никитой, он ее отметил среди других, несмотря на разницу в возрасте, и потом взял с собой в Турцию, чтобы вместе закупать товар. Взял один раз, другой, третий – и через два месяца Таня, женщина с коммерческой жилкой, сама стала «челноком», поняв, что невелика тут наука.

Никиту к тому же убили – застрелили неизвестно кто и когда – просто как-то утром нашли его тело на рынке с пулевым отверстием в голове, и все. Никитины продавщицы перешли к Тане и были этим счастливы. Таня оказалась куда более деловой, чем Никита, – и дело стало процветать.

Прошло еще полгода, и Таня перестала ездить в Турцию – не потому, что устала, – ведь хлеб «челнока» несладок, и товар «челноки» возили тогда прямо на себе, в огромных тюках, которые таскали по аэропортам и вокзалам, экономя на всем, даже на платных тележках. А просто потому, что Таня явно нашла себя в торговом деле: у нее оказалось специальное торговое чутье, она закупала именно то, что быстро расходилось на рынке, не залеживаясь.

Таня процветала и вскоре развернулась настолько, что наняла сначала пятерых, потом и еще пятерых «челноков», превратившись в хозяйку большого по рыночным меркам дела. «Челноки» ездили, продавщицы торговали – Таня ими управляла. Она уже приделась, как у нас тогда говорили, «не в турецкое» – это означало в европейское. Она уже не вылезала из ресторанов – она там и ела, и кутила, и швыряла деньгами, расслабляясь после рынка... И все равно – и ей, и семье, и ее подчиненным хватало. Заработки в те годы были шальные. И любовники у нее тоже были под стать заработкам и годам – лихие. Таня меняла их, когда хотела. Андрей, если уж строго подходить к этому вопросу, любовник-то был неважный, и Таня часто плакала в те, до новой жизни, годы, потому что... В общем, понятно, почему – не дети.

Через годик Таня задумала сделать в квартире ремонт, предварительно сделав квартиру своей. Она купила маленькие квартирki – Андрею, свекру, братьям Андрея, и все они с этим согласились. А вот свекровь Таня оставила жить с собой – шевельнулось что-то человеческое в Таниной душе, пожалела она одинокую старуху, от которой давно ушел ее муж-профессор, Танин бывший свекор. Да и за сыновьями кто-то должен был присматривать, старший, Игорь, был в переходном возрасте, с ним было не все ладно, младший часто болел.

Однако ремонт Таня учинила тоже как реванш.

– Я так хотела ИМ показать, кто же в доме теперь хозяин!

Она выбросила из квартиры все. Абсолютно все. Распродала все семейные реликвии и выпотрошила всю пыль дворянского их прошлого из закоулков.

И Тане никто не препятствовал. Свекровь уехала на дачу и носа не показывала.

Получилась европейская квартира, оборудованная по последнему слову бытовой техники. После ремонта Таня решила на новый шаг – из «челночного» бизнеса она ушла в торговый, купив несколько магазинов в Москве.

– Как? Неужели? Эти магазины – твои? – Я не верю своим ушам. Таня – хозяйка двух хороших супермаркетов, куда я заезжаю после работы. – Поздравляю. Но цены же у тебя...

– Так страна же богатая, – парирует Таня жестко, но смеясь.

– Не очень богатая. Это ты просто стала акулой империализма. Жестковата...

– Конечно. Времена Ельцина ушли – с ними шальные деньги и романтика. Теперь у нас у власти ненасытные прагматики – я их так называю. И я – одна из них. Ты –

против Путина, а я – за него. Мне кажется, что он мне почти родня – такой же ненасытный прагматик, сильно обиженный в прошлой нашей жизни и теперь берущий реванш...

– Что ты имеешь в виду под «ненасытностью»?

– Взятки. Бесконечные взятки, которые надо давать всем. Чтобы не лишиться магазинов, я плачу... Кому только не плачу. И чиновникам префектуры, и пожарным, и санитарным врачам, и московскому правительству... И бандитам, на территории которых находятся мои магазины. Да я, собственно, у бандитов их и купила...

– Не боишься с ними иметь дело?

– Нет. У меня есть цель – я хочу быть богатой. А это значит в наших сегодняшних реалиях, что я должна им платить – без этого «налога» меня тут же отстрелят и поменяют на кого-то другого.

– Ты не преувеличиваешь?

– Я преуменьшаю.

– А чиновники?

– Части чиновников плачу сама. Другой – уже сами бандиты. То есть я отдаю деньги бандитам, а бандиты уже урегулируют все с другими бандитами, я имею в виду наших чиновников. Так что мне это даже удобно.

– А Андрей?

– Он умер. Не выдержал все-таки, что я выплыла, а он ест мою красную икру. Просился обратно, но я не пустила. Сказала: ищи следующую студентку. Да и не хочу я жить с некрасивым. Я полюбила красоту: хожу на мужской стриптиз, там выбираю себе партнеров, многие соглашаются.

– Ну, даешь! Не тоскуешь по семейной жизни? По очагу?

– Нет. Точно – нет. Я только жить начала. Пусть с издержками, пусть тебе это покажется грязным... Но разве раньше я жила чисто?

– Как дети?

– Игорь, к сожалению, слабым оказался, в Андрея – наркоманит, сейчас в клинику его положила, уже в пятый раз. Надеюсь... Стасика в Лондоне обучаю. Очень довольна. Очень! Он там – первый во всем. Свекровь с ним вместе, квартиру ей снимаю, Стасик неделю в общежитии живет, а на выходные – в этой квартире у свекрови. Ей я операцию сделала – заплатила за все. Новый тазобедренный сустав вставили в Швейцарии – она и отжилась, бегаёт, как молодая, и меня обожает. И, знаешь, мне даже кажется, что искренне обожает... Деньги – великое дело.

В комнату впархивает Давид. С подносом.

– Время пить чай, девчонки... – тянет в нос. – Втроем. Можно, Танечка?

Таня согласно кивает и говорит, что сейчас вернется – хочет переодеться к чаю. Давид источает порочность и праздность. Обстановка достаточно противная. Но через пару минут возвращается Таня. Она вся в бриллиантах. Уши «горят», декольте «переливается», даже в волосах «мерцание»...

Конечно, это специально для меня. И я оцениваю. Почему бы не сделать человеку приятное? И Тане, действительно, очень приятно, и она вся светится, как ее бриллианты, от удовольствия самопрезентации себя, новой, перед старой подругой.

Дальше мы быстро выпиваем чай – мы обе спешим – и расстаемся.

– Давай только не на десять лет? – предлагает на прощание Таня.

– Постараемся, – отвечаю и думаю, спускаясь по лестнице, что в путинское время все, действительно, стали встречаться чаще. Имею в виду – старые друзья. У нас был период, в «позднем Ельцине», когда все были страшно заняты самовывживанием и зарабатыванием денег, когда не звонили друг другу годами, стесняясь кто бедности, кто богатства, когда многие навсегда уезжали за границу, когда многие пускали себе пулю

в лоб от невостробованности, когда нюхали кокаин от гадости совершенных поступков... И вот теперь вроде бы все, кто выжил, собираются вместе. Чаше, чем раньше. Общество заметно структурировалось, и появилось свободное время...

Через неделю я должна была быть на пресс-конференции по случаю выборов куда-то. По-моему, в городскую Думу – на освободившееся место. И там я встретила Таню – совершенно неожиданно для себя. Хозяйки супермаркетов в нашем уже достаточно структурированном, опять клановом, как при советском строе, обществе на политические пресс-конференции не ходят.

Таня явилась миру журналистов, строго выдержав стиль, – в классическом черном деловом костюме и без единого бриллианта. Был и Давид. И он тоже был высшего качества – безукоризненно исполнял роль Таниного делового секретаря, скромного и не взыскательного. Никаких «девчонок» в помине.

Я сидела там, где журналисты. Таня оказалась по другую сторону баррикад. И ей даже дали микрофон – последней из выступающих. Таня оказалась кандидатом в депутаты городской Думы. Она рассказала журналистам, мне в том числе, как она понимает проблемы бездомных в Москве, и пообещала бороться за их права, если избиратели окажут ей честь и выберут депутатом Законодательного собрания.

– Господи, зачем тебе это? Ты и так богатая? – спросила я Таню после пресс-конференции.

– Я же тебе уже объясняла – хочу быть еще богаче. Тут же все очень просто: не хочу платить взятки нашему депутату.

– И в этом вся причина?

– А это немало, между прочим. И это примитивный менеджмент. Ты просто не понимаешь, какой теперь уровень коррупции. Бандитам времен Ельцина и не снилось. Стану депутатом – «минус» один «налог». Поверь, он не такой уж маленький.

– А почему ты взяла тему защиты именно бездомных? – Мы перекочевали в дорогое французское кафе по соседству – кафе выбрала Таня, я в такие не хожу, дорого.

– По-моему, выгодно смотрюсь на таком фоне. К тому же я действительно могу им помочь выкарабкаться – я же знаю, как выкарабкиваться.

– А зачем на пресс-конференции, в конце, говорила о Путине? Как его любишь, уважаешь, веришь в него? Это тебя твои имиджмейкеры надоумили. Дурной же тон...

– Нет, не дурной. Так теперь положено. Я и сама знаю, без имиджмейкеров. – Таня запнулась на этом сложном английском слове, перекочевавшем в наш язык вместе с новой жизнью. – Если не скажу про Путина, завтра ко мне в магазин придет наш районный фээсбэшник и скажет, что я не сказала то, что все говорят... Так мы, бизнес, теперь живем.

– Ну придет, ну скажет... И что с того?

– Ничего. И потребует взятку.

– За что?!

– За то, что «забудет» то, что я не сказала.

– Слушай, а тебе все это не надоело?

– Нет. Если надо будет поцеловать Путина в задницу, чтобы получить еще пару магазинов – я поцелую.

– А что значит – «получить»? Ты же их покупаешь? Платишь – и все?

– Нет, теперь по-другому. «Получить» – значит заработать у чиновников право купить магазин за свои же деньги. Русский капитализм называется. Мне лично нравится. Когда разонравится, куплю себе какое-нибудь гражданство – и пока...

Мы расстались. Таня, конечно, стала депутатом. Говорят, неплохим, душевным, ратующим за московских бедных, организовала еще одну столовую для бездомных и

беженцев. Купила еще три супермаркета. И часто выступает по телевидению с речами, прославляющими нынешние времена. Недавно звонила, попросила написать о ней статью, я и написала – вот эту, которую вы сейчас читаете. Таня попросила почитать до публикации, ужаснулась и сказала: «Все правильно» – но запретила публиковать в России до ее смерти. Я пообещала.

– А за границей?

– Ради Бога. Пусть знают, чем наши деньги пахнут.

Вот я и публикую.